

Павел Мухортов (газета «Советская молодежь», Рига), Юрий Крикун (режиссер Укртелефильма), Светлана Омельченко (газета «Воздушный транспорт») успешно прошли медицинское обследование в Институте медико-биологических проблем. Они первыми из участников конкурса рекомендованы к представлению на главную медицинскую комиссию для допуска к специальным тренировкам. Сердечно поздравляем кандидатов на космический полет! Надеемся, что их ждет и заключительный этап — непосредственная подготовка к старту в составе экипажей.

Прорыв в будущее

Для меня среди первых удачно закончился почти четырехнедельный марафон в Институте медико-биологических проблем, где проходят обследование финалисты космического конкурса журналистов. Все пробы зачтены, позади психологические тесты, метры отснятой рентгеновской пленки, впереди полная неизвестность, потому что так до сих пор и не известно, состоится ли наш полет и когда. Решение за правительством. Думаю, принять его не так-то просто.

В самом деле, до полета ли журналиста в космос в наше крайне нелегкое время? Этот вопрос мне часто задают знакомые. Вначале обычно интересуются, как там, где отбирают космонавтов, очень ли трудно? Спрашивают: как ты решилась? Хотят знать: как смогла? И уж потом — а нужно ли, чтобы летел не пилот, исследователь, ученый, а журналист, то есть пассажир, потому что как ни крути, а за короткий срок сделать из журналиста профессионального космонавта невозможно. Да и не нужно, — это уже мое мнение. Пусть каждый хорошо делает свое дело. Для журналиста космический полет — не более, чем командировка. Главное — не быть обузой для экипажа и сохранить работоспособность, чтобы хорошо справиться со своей задачей.

Медицинский этап нашего конкурса совсем не походил на борьбу. Мы были не соперниками — единомышленниками, мы все болели друг за друга и всякий раз с сожалением прощались с каждым, кто после неудачной пробы собирался домой.

Не буду подробно рассказывать здесь обо всех испытаниях. Признаюсь, был момент, когда я чуть дрогнула. Это случилось в тот день, когда нас впервые привезли на центрифугу. Прямо ноги подкосились от одного вида чудовищного молота с противовесом, с бешеной силой вращающегося посреди пустого круглого зала. Там, в сердцевине тяжелой бронированной кабины, моделируются перегрузки, максимальная для нас — восьмикратная. Но посмотрела, что другие выходят оттуда живыми, и страх прошел, сменился желанием занять почти космическое кресло.

Самым трудным для меня было совсем другое — заботиться об оставшейся дома дочери. Ей семнадцатый год. Выпускной класс. По вечерам занятия на подготовительном отделении института, в половине одиннадцатого возвращается в метро с противоположного конца города в пустую квартиру. Не такая большая проблема приготовить себе еду. Но разве мама нужна только для того, чтобы стряпать, подавать, убирать?

Они, конечно, были достаточно напряженными, эти недели, но не самыми трудными в жизни. Распята на ортостоле, совсем взбугла отоварить талоны на сахар (они так и пропали), а велоэргометр, может, потому только и открытила успешно, что боялась, как бы не закрылся на перерыв ближайший универмаг, где с утра торговали английским стиральным порошком.

А еще изредка надо было показываться в редакции, чтоб сдать отпечатанный прямо в палате на пронесенной под полкой машинке репортаж, отве-

титъ на письма, вычитать полосу со своим материалом. Трудно было отвечать на упрёки ответственного секретаря, мол, появляетесь, как красное солнышко, а я только час назад вышла из барокамеры, вернее, спустилась с высоты 5 тысяч метров, точнее, пикировала со скоростью 45 метров в секунду, и сейчас по всем правилам должна лежать, набираться сил перед новой пробой, а не выяснять, почему вовремя переданный в редакцию материал устарел, не дойдя до читателя.

Журналисты газеты «Воздушный транспорт» привыкли справляться с перегрузками и стрессами, которых с лихвой хватает в любой командировке. Скажем, в сравнении с восьмичасовым полетом на АН-24 на лесные пожары кумулятор ускорения Кориолиса (не самая приятная проба) покажется детским аттракционом. А наши бурные планерки и мозговые штурмы! Жаль, что никому не приходило в голову снимать энцефалограммы и электрокардиограммы у журналистов во время их обычной работы.

Незадолго до нашей группы медперсонал обследовал японских журналистов. Юная заморская коллега нарисовала на клочке бумаги план своего дома: гостиная, спальня, комната для собаки. А теперь ты, — и она придвинула листок медсестре, живущей в коммунальной квартире. Их очень смешило, японских граждан, что сестры наши меряют пульс старым дедовским методом, положив пальцы на запястье и не спуская глаз с секундомера. А уж бутылочки для сбора известного анализа заставляли прямо-таки покатываться со смеху. Интересно, а как это делается у них, в Японии?

Не слишком-то богато мы живем, не избалованы ни достатком, ни удобствами. Даже для обследования космонавтов и то недостает приборов. Так до полетов ли в космос? Нужно ли нам сегодня посылать на орбиту журналиста?

Нужно. Хотя бы для того, чтоб знать наверняка, на что тратятся народные деньги, которых так не хватает в бюджете страны. Нужно, потому что нельзя безнаказанно для будущих поколений торговать недрами, интеллектом, престижем государства. Наш космический конкурс мы не зря посвятили детям. Пока взрослые решают свои непростые проблемы — власти, выяснения международных отношений, пропитания, жилья, растет детская смертность, преступность, количество самоубийств среди подростков, наркомания. Мы, и никто другой, виновны в бездуховности своих детей. Космический полет журналиста не снимет всех трудных вопросов. Но если осуществится наш проект, мы сможем для одних привезти с орбиты лекарства, других привлечь к науке, дать детям уроки мира и патриотизма, вернуть веру в светлое будущее.

Больше всего на свете я люблю свою дочь, свой дом, свою Землю. Но я преодолею нерешительность и страх перед всеми испытаниями ради пусть одного, пусть малого шага к осуществлению мечты не только моего поколения.

С. ОМЕЛЬЧЕНКО.
Корреспондент газеты «Воздушный транспорт».